

Владислав Троицкий

ОСКОЛКИ

Владислав Троицкий

Осколки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24123932

ISBN 9785448520433

Аннотация

Итоговая книга стихотворений известного, хотя и в довольно узких кругах и временами несколько скандально, уфимского поэта.

Содержание

Бесконечность	6
Августовские наброски	13
Кастаньеты	17
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Осколки

Владислав Троицкий

© Владислав Троицкий, 2017

ISBN 978-5-4485-2043-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

#уфли #уфимскаялитература

– Кажется, я ранил тебя, а этого я не хотел. Я думал,
ты больше знаешь о мире и людях, гораздо больше.

С тобой следовало говорить иначе.

– А как иначе ты мог говорить?

– Не знаю. Как с ребёнком.

Меша Селимович

* * *

La vida es muerte. Жизнь есть смерть.

Для человека, как и для растений.

На всё осталось несколько мгновений

и я теряюсь – сметь или не сметь.

Внизу маняще распласталась твердь,

а взглянешь ввысь – прочь от меня, Злой Гений! —

обломки жизней, помыслов, свершений
в небытие уносит круговерть.

Бесконечность

* * *

Рассвет беспечно рассмеялся,
слегка румянцем запылал.
Я никогда так не влюблялся,
я ничего так не искал.

Туман спокойно за клубился,
в лучах играя, заблестел.
Я ни к чему так не стремился,
я ничего так не хотел.

День, погляди-ка, разгулялся,
вовсю раскрашиваться стал!
Я ничего так не боялся,
я ни о чём так не мечтал.

* * *

Дракон летал в бескрайности миров,
взрывая скоростью пространство.
И разгоралось множеством костров
шаловное то непостоянство.
То каменные горы он вскрывал,

несметных полные сокровищ,
то с демонов полками воевал,
то дрался с ордами чудовищ.
То отдыхал в диковинных садах,
то мчался в бесконечных безднах.
То появлялся в древних городах,
то на планетах неизвестных.
Но приземлился, радость разглядя,
в краях обетованных самых,
в пустыне, ожидающей дождя,
у входа в неприступный замок.
Подрагивая напряженьем жил,
улёгся тихо на пороге
и крылья многоцветные сложил —
и лижет тебе ноги.

Муравей и Солнце

По кочкам, по выбоинам, между пней,
лишь только солнце взошло,
соломинку тащит муравей,
упрямо и тяжело.

Моя любовь в тыщу раз больше меня,
как груз у того муравья.
Но Солнцем могла бы стать для меня,
я знаю, любовь твоя...

Возрождение

Быть бы художником – и на холсте
запечатлеть твой ясный, чистый профиль,
и сзади – расцветающий картофель,
столь дорогой и редкий в годы те.

К твоей непостижимой красоте
я подбираюсь, словно Мефистофель.
Как Фауст... Слушай, чашку кофе ль,
бокал вина ль сюда – и в полноте

картина вдруг сама начнёт светиться
и музыка польётся в тишине,
и негасимый пламень возгорится,

и лёгкость отразится в глубине,
и волшебство искусством совершится —
ты повернешься, наконец, ко мне.

* * *

Снег падал ядовито-синий
И незаладились дела.
Ты не чертила скользких линий,
ты просто мной пренебрегла.

В дым улетучились поленья,
в песок рассыпалась скала.

Всё кончено. Всему – забвенье.
Ты просто мной пренебрегла.

Живу под теми ж небесами.
Как ты могла, КАК ТЫ МОГЛА!
В болоте чёртики плясали.
Ты просто мной пренебрегла.

* * *

Словно знамение вечер,
талисман, бережно чтимый.
Счастье – это просто ведь встреча,
просто с взглядом любимой.

Весна – и словно я весь в ней,
словно я счастлив уже.
Счастье – это новая песня,
что сама сложилась в душе.

Словно в ночи непроходимой
вспыхнул путеводный огонь.
Счастье – это счастье любимой,
когда она рядом с тобой.

* * *

Ты вся – как дерзость, как начало,
как солнцем взрезанная мгла!

...Ты мне учтиво отвечала —
ведь ты иначе не могла...

И это подлинное счастье —
лицо яснейшее твоё,
глаза – то воплощенье власти,
то отречение от неё.

и эта гордость Незнакомки,
и нимб Души над головой,
и неожиданно так громкий
и милый-милый голос твой...

* * *

Всё это совершенно неуместно.
Я, как никто иной, об этом знаю.
Но вновь и вновь опять не понимаю:
всё это совершенно неуместно.
Как камушек, что вниз летит отвесно,
вдруг чиркнет, отскочив, скалы по краю...
Всё это совершенно неуместно,
я, как никто иной об этом знаю.

* * *

Нет – это какой-то обман – ты
не можешь такой быть – нет!
Нет, не перетают все льды!

Нет, не пересветит весь свет!

Нет, не разрежет весны шёлк
ангелов хор, вострубя...

...Кажется, кто-то мимо прошёл...

Я – мимо тебя???

* * *

Было всё или нет – так возьми, улыбнись,
ну, так сделай же, правда, поверь.
Ведь цветёт бересклет, ведь цветёт барбарис,
ведь боярышник цветёт теперь.

Ведь рябина уже душновато-нежна,
разве пройдёшь, не заметишь?
Ведь человека, которому ты так нужна,
ты больше не встретишь.

* * *

Я бежал в рассветные степи,
но меня увидала ты
в балагане, в тесном вертепе,
где паясничают шуты.

Что ж, смеяться – твоё право.
И вообще, рассуждая здраво,
трудно было ждать реакции иной,
что ты смеялась надо мной.

* * *

Твоё имя – как остро отточенный карандаш,
как нижняя кромка льда далеко в горах,
как внезапно вспыхнувшее пламя,
как ленивый летний вечер.

Скитаясь по бесконечной Вселенной,
в джунглях философских категорий
и в лабиринтах поэтических образов
я ищу лишь того, что напомнило бы мне
твоё имя.

Августовские наброски

Быть бы художником...

* * *

Уже совсем другие краски
и воздух, как стекло, прозрачен.
И, ярко-синее в зените,
лазурью небо к горизонту
стекает между облаками.
(Как ярко белое на синем!
А может – синее на белом.)
И облака густеют в тучи,
сначала в розовато-серый,
потом свинцовый, даже чёрный...
И чуть грустны на этом фоне
уже осенние деревья:
немного жёлтого в зелёном.

* * *

Какой утомительный дождь,
и воздух, как речка, течёт,
и, как лист опавший, плывёшь,
куда тебя речка несёт.

И грустно становится вдруг,
и хочется, что – не поймёшь.
Такой заколдованный круг,
такой утомительный дождь...

* * *

Горы растрёпанной ваты
и солнце глядит свысока:
вымыслы великоваты...
И снова я про облака!

Ты скажешь: не зазнавайся,
нос в небо не задирай!
Ты скажешь – «не поддавайся»?
Ты скажешь – «не унывай»?

* * *

На «ю» кончается то слово,
а начинается на «эль»...
...но мы исходим из простого:
художнику нужна модель.

Художник замечает больше.
Ему под силу угадать,
весь образ должен быть какой же,
и цвет улыбки передать,

и эту недоговорённость
в изливе бёдер подстеречь,
увидеть одухотворённость
в капризном развороте плеч...

Свой шарм у жанра есть любого,
но самый интересный – «ню»...
Нет-нет, я помню это слово:
оно кончается на «ю»!

Песенка

Солнце поднимается лениво,
мягкие и тёплые тона.
Думаю немного боязливо:
что теперь подумает она?

Воробьи испуганно взлетели,
задержавшись в воздухе чуть-чуть...
Неплохое освещение для акварели,
хоть нарисовал бы кто-нибудь!

* * *

Слова умеют улыбаться
и безделушки мастерить,
умеют чуть отодвигаться
и ничего не говорить,

умеют покрывало вышить,
умеют статую создать,
умеют ждать, умеют слышать —
и не прийти, и опоздать.

Умеют чёрта сделать богом,
умеют сделать день как ночь,
умеют многое во многом,
но не умеют мне помочь...

Кастаньеты

Бежать...

Бежать, бежать, бежать – тебе от меня,
бежать, бежать, бежать – мне от тебя,
бежать, бежать, бежать, бежать не вина,
бежать, бежать, бежать, бежать не любя,
бежать, бежать, бежать, бежать от себя.

Бежать, бежать, бежать, бежать навсегда,
бежать, бежать, бежать, бежать в никуда,
бежать, бежать – и не убежать никогда,
бежать, бежать, бежать, бежать, бежать...

* * *

Бедность, верная подружка,
лишь она не позабудет.
Будем пить. Так. Где же кружка?
Сердцу веселей не будет.
Сердцу хочется иного,
сердцу хочется любовьюй.
Оттого и бьётся снова,
каждый раз всё бестолковей.
Только всё недостижимо,

только счастье недоступно.
Бейся ж, сердце, бейся глупо
и рыдай неудержимо.

Подражание французскому

Твои глаза – шампанского глоток,
лоб – каберне, и рислинг – кожа щёк,
и губы – как мадера, нет, кагор,
и груди – вермут, и живот – ликёр,
и полстакана спирта между ног...

Но у меня, увы, сухой закон.

* * *

Есть заповедные луга, где птица Сирин
поёт; но надо знать туда дорогу.
Не спрашивайте о ней у меня.

* * *

Это – лишь падать, а вовсе не ввысь,
это – лишь память, а вовсе не жизнь,
это – лишь отблеск, а вовсе не свет.
это – лишь подлость, а вовсе не смерть...

Вывод о человеке

Вы все от меня отвернётесь,
когда я предам и убью,
когда я столкну в пропасть
Единственную мою,
когда в грязь втопчу совесть,
подлостью честь поправ.
Вы все от меня отвернётесь.
Вы правы. – Я тоже прав.

Подражание китайскому

И вчера ничего не случилось опять.
В позвоночнике прыгают хмурые черти.
Хорошо целый день на постели лежать,
завернуться в одеяло и думать о смерти.

* * *

Встречи,
пытающиеся изобразить любовь,
происходят достаточно часто в нашей галактике.

Стрижи

В небе чиркают стрижи
вновь и вновь.
Расскажи мне, расскажи
про любовь.
И глаза свои мне покажи,

чтобы видели только стрижи.

* * *

Вечер по-еврейски мягок
и горят глаза ***.
Сколько изрисовано тетрадок!
Сколько передумано идей!

Где-то далеко играет гаммы скрипка,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.